

1/

pantu КТ 39.38 "прежнее время" :par-tu.¹⁾

Специфику разновидностей полной взаимной ассимиляции, носящих более распространенный характер, представляет возникновение в результате взаимодействия дегеминированной согласной, равно как и появление аффрикативного вибранта / rr / в качестве результата нейтрализации нескольких разновидностей нейтрализации.

1+t>rr:nilaiyirririyātu ТК I24.I "че отклоняясь в положении":nilaiyil tiriyātu.

nōkkākkārānōkki ТК I09²⁾ "глядя, когда сама не смотрит":
nōkkākkāl-tān-nōkki.

paricirrarukam ТН 237.19 "мы преподнесем дар":paricil-tarukam.

1+t>r:ōmparalal ТК 43.2:ōmpal "забота" - talai.

"голова"; cēri ПН 263.2 "ты уходишь" ; cel-t-i 2/

punararum ПН 262.3 "приносимый потоком" : punal-tarum

I/ Этот случай ассимиляции является единичным и архаичным; ср. примеры типа vārtal "жизнь". Относительно этимологии pantai см. T.Burrow & M.Emeneau, A Dravidian Etimological Dictionary 1961, ст.3296, где приводятся тамильские формы para "старый", paracu "нечто старое", paramai "старина", pantu, pantai "старина, древность".

2/ (р.119) Julien Vinson, Manuel de la Langue Tamoule, где при сегментации cēri :cel-t-i суффикс -t- рассматривается как претеритальный показатель, с чем нельзя согласиться.

- iyarer ПН IOI.4 "стремительная колесница" :iyal-
ter.
- 1+n n:avan taniral ПН 379.I "в тени /его/ ног": niral
tal-
- 1+n nn:vennilavin ПН II2.I "в белом сиянии" :vel-nilavi
I/
- 1+t t :nat_orum ПН 23.I2 "каждый день" :nal+terum
- marraiyavarkatavam ТК 263.2:marraiyavargal "другие" +
tavam "аскеза".
- n+t rr :atiyirrenrum ПН 263.I "появившийся как раб" :atiya-
tenrum.
- nirp_{ir}rantamum ПН IO.6:nirpin-tantamum 2
tammin-am ТК 68.I ;tammin-tam
- n+n n:kanir 72.2 "слезы" :kan-nir.
- y+y y:potayam ТК II23.I potay "ты уходишь" -yam
nankalam.
- n+n n:atanenkalam ТК 60.I "алмаз этого" :atan-

Оставил
Исключен в стороне тривиальный случай ассимиляции

$y + y > y$, мы должны констатировать, что в различных комбинациях, приводящих к взаимной ассимиляции, из вышеуказанных семи фонем шесть наблюдаются в позиции предшествования, и лишь две в последующей позиции. Разновидности взаимной ассимиляции сведены в таблицу № 3.

Таблица № 3

Виды взаимной ассимиляции

предшест- вующая С	n	n	l	l	t	r	
последую- щая С	t	-	-	$\frac{nr}{rr}$ r	$\frac{nt}{t}$	tt	nt
n	n	n		$\frac{n}{nn}$	-	-	

Если в случаях прогрессивной ассимиляции отсутствует нейтрализация результатов взаимодействия, то среди взаимных ассимиляций обращает на себя внимание как расщепление результата ассимиляции, так и возможности нейтрализации, например,

$$1 + \frac{nr}{r} < \frac{nr}{r} \quad 1 + \frac{nt}{t} < \frac{nt}{t} \quad \frac{1+t}{r+t} > nt \quad \frac{n+n}{1+n} > n$$

Сопоставляя данные всех трех таблиц, мы констатируем количественное тождество предшествующих и последующих фонемных единиц, участвующих в регрессивных и прогрессивных ассимиляциях, и количественное преобладание предшествующих фонем в сравнении с последующими, причем идентичны и вторые компоненты в разновидностях прогрессивной и взаимной ассимиляций. В качественном аспекте среди последующих фонем отсутствуют ретрофлексные. Из общего числа одиннадцати согласных / k c t n t n p m l l r | , участвующих в разных видах ассимиляций, в качестве предшествующих фонем фиксируются / t n p m l l r / и в качестве последующих / k c t n p m /.

/сноска со стр. 62/

1/ nannār nāna nātoruṃ talaicēnu PN 23.12 "приходя каждый день, так что враги стыдятся".

2/ muntai nirpin tantam^u taniti "если стоишь впереди, ты смягчаешь наказание".

3/ tammin tam makkaḷ ariṃ utaimai "наличие у их детей знаний, /больших/ чем у них самих".

Сведем все виды ассимиляций в единую таблицу.

Таблица № 7

Виды ассимиляции

послед. С предшес. С	k	c	t	n	p	m
t	-	-	tt	-	-	-
n	-	tc	nt	ⁿ nb	tp	-
n	rk	rc	^{nr} ^{nr} _{nc} <u>rr</u>	n	rp	-
m	nk	nc	nt	n	-	-
l	rk	rc	^{nr} <u>rr</u>	n	rp	nm
l	tk	tc	^r nt t	ⁿ nb	tp	nm
r	-	-	nt	-	-	-

Из таблицы № 4 следуют следующие выводы. Комбинации с предшествующими / t r / лишь в случае с последующим / t / приводят к ассимиляции. Латеральные фонемы / l l / характеризуются способностью ассимилироваться в любых сочетаниях с последующими фонемами, причем / l / во всех своих трансформациях сохраняет признак ретрофлексности, равно как и / l / сближается со своими морфонемами / r n / по месту артикуляции. Фонема / m / в сочетании с / k c t / утрачивает

свою билабиальность и приобретает артикуляционный признак смежной фонемы, соответственно признаки веларности, альвеолярности и дентальности. Фиксируется параллелизм в приближенном тождестве ассимилятивных результатов у каждой пары назальной и латеральной фонем / n l / и / n l /:

$$\begin{matrix} n+c \\ \dot{l}+c > tc \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+t \\ \dot{l}+t > nt \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+n \\ \dot{l}+n > n \sim nn \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+p \\ \dot{l}+p > tp \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+k \\ \dot{l}+k > rk \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+c \\ \dot{l}+k > rc \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+t \\ \dot{l}+t > nr \sim r \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+n \\ \dot{l}+n > n \sim n \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} n+p \\ \dot{l}+p > rp \end{matrix}$$

Различие заключается в том, что ассимиляция вида

$\dot{l}+t > t, n+t > nn, \dot{l}+t > rr$ характерна лишь для одной фонемы и не распространяется на другие комбинации.

Из числа фонем, выступающих в последующей позиции, способностью во всех случаях сочетаемости вызывать ассимиляцию, претерпевать изменения и характеризуется лишь / t /, обладающ^{ая} также наибольшей способностью приводит к расщеплению результата ассимиляции.

При частых расщеплениях результатов ассимиляции важно установить условия, от которых зависит появление того или иного варианта ассимиляции. Так, случай $\dot{l}+t \begin{matrix} \nearrow nr \\ \searrow rr \end{matrix}$ объясняется следующим образом. Вариант $\dot{l}+t \searrow rr$ принадлежит к внутрисанджхальным изменениям, где к основе присоединяется некорневой элемент, деривационный или флективный:

$nil > nil-t-a > ninra$ "стоявший".

nal > nal-ti > nanxi

"благодарность".

Варианты $l+t > rr$ и $l+t > r$ принадлежат к внешнесандхиальным изменениям, за исключением вышеуказанного случая $\bar{c}e\bar{r}i < cel-t-i$, который благодаря специфическим фонетическим изменениям противопоставляется формам типа $cen\bar{c}ana\bar{l}$ КТ 9.22 < cel-t-añ-a\bar{l}, что помогает дифференцировать претеритальные и непретеритальные глагольные формы. Вышеприведенные примеры дают возможность установить, что детерминирующим фактором является гласная, предшествующая ассимилируемой $|l|$: при наличии краткой /a/ фиксируется вариант $l+t > r$ ($\bar{o}mpa\bar{c}ala\bar{l} < \bar{o}mpal-tala\bar{l}$), тогда как при наличии передней /i/ или долгого /ā/ фиксируется вариант $l+t > rr$ ($nilaiyir\bar{r}iriyātu < nilaiyil\bar{t}iriyātu, paricir\bar{r}arukam < paricil-tarukam, nōkkākka\bar{r}ān nōkkākka\bar{l}-tān$).

Такая интерпретация частично подтверждается результатами анализа других комбинаций согласных, в которых возникают тройственное или двойственное расщепления, а именно:

$$n+t \begin{cases} nr \\ rr \\ nn \end{cases}$$

Вариант /nr/ фиксируется как среди внутрисандхиальных изменений ($\bar{e}nru < en-t-u, nanru < nal-t-u$), так и среди внешних сандхи. Вариант /rr/ возникает лишь в результате внешнесандхиальных изменений, причем различие между окружениями, детерминирующими появление /nr/ или /rr/, состоит в том же качестве гласной, предшествующей /n/, которые

было отмечено для $1+t \begin{cases} nr \\ r \end{cases}$
 Вариант $/nr/$ детерминируется предшествующей $/a/$, в то
 время как вариант $/\frac{nr}{r}/$ возникает при наличии предшествую-
 щего $/i/$. Вариант $n+t > nr$, относящийся к внутри-
 сандхиальным изменениям, не является результатом регуляр-
 ных изменений. Вышеуказанный случай $1+t > r$ сближается
 с ассимиляцией $1+t > t$ как характером модификации,
 при которой возникает одинарная согласная, по месту арти-
 куляции сближающаяся с соответствующей латеральной, так и
 своим окружением, где отсутствуют гласные переднего ряда
 как в препозиции, так и в постпозиции:

$1+t, t: natorum, nal_torum$
 $\underline{marraiyavarka} \underline{tavam}, \underline{marraiyavarka} \underline{l-tavam}$

Из шести согласных фонем, выступающих в последующей по-
 зиции, четыре фонемы $/k s r n/$, графически не претерпе-
 вая никаких изменений, могут утрачивать $/nk \tilde{n}c /$
 или сохранять признак глухости $/tp rp tk /$, иррелеван-
 тный для тамильской фонологической системы. Анализ замеще-
 ния одних различительных признаков другими в процессе ас-
 симилиации дает возможность установить, что наименее устой-
 чивыми признаками являются признаки дентальности, непрерыв-
 ности и ртовости, в то время как наибольшей устойчивостью
 характеризуются признаки ретрофлексности, смычности и на-
 зальности. Тридцать пять комбинаций согласных зафиксиро-
 ванные на таблице № 4, сводятся практически к двадцати
 одной разновидности, что еще раз подтверждает наблюдение

со сг 68

о распространенности нейтрализации различных консонантных комбинаций. Несмотря на отмеченные в таблице случаи двойственного и тройственного расщепления в процессе ассимиляции.

на стр
67

Явления диссимляции носят сугубо ограниченный характер в сравнении с явлениями ассимиляции, причем неконтактная диссимляция как и контактная нами зафиксирована в немногих случаях. Неконтактная диссимляция, сводимая к одному виду, может быть проиллюстрирована на примере причастных имен аористного плана типа

VENTUPAVAR	ТК 320.2 "те, кто желают";
nānupavar	ТК 172.2 "те, которые стыдятся";
varpavan	ТК 47.1 "тот, кто живет";
virpaval	ТК IIII.2 "та, что любит".

Во всех этих причастных именах, где между глагольной основой и личным окончанием находится временной морф, вместо алломорфа настоящего-будущего времени -v-, с которым должны взаимодействовать глагольные основы данных классов, мы фиксируем алломорф -p-, характеризующий парадигму глагольных основ других классов, ~~см. приложение № 2~~. Благодаря наличию лабиодентального v в прономинальном окончании (-avar, -avan, -vaval) временная морфема манифестируется не посредством лабиадентального варианта, а посредством билабиального варианта. Интерпретация данного вида диссимляции, сохраняющейся и в современном тамильском языке, подтверждается тем фактом, что в аналогичных причастных именах

где личные окончания выступают в кратких вариантах без лабиодентального временной морф фиксируется в виде лабиодентального:

$\bar{i}k\bar{a}r-v-\bar{a}r$

ТК 59.I "те, которые оскорбляют";

$\bar{v}\bar{i}r-v-\bar{a}r$

ТК 1103.I "те, которые любят";

$i\bar{l} \bar{v}\bar{a}r-v-\bar{a}n$

ТК 41.I "те, которые живут в доме";

$e\bar{r}u-v-\bar{a}l$

ТК 55.I "та, которая встает".

В качестве контактной диссимиляции служит пример

ТК 63.I "их дети": $\bar{t}am-\bar{m}akka\bar{l}$

на стыке двух / \bar{m} / наблюдается разуподобление и первая билабиальная назальная превращается в дентальную назальную согласную.

Дистрибуция тамильских фонем, подчиняющаяся строгим ограничениям, характеризуется не только тенденцией к устранению звания, но и устранением влияния интервокального окружения, которое вызывает фрикативизацию единичной смычной, посредством геминации согласной в интервокальной позиции. Это относится к согласным / $k \ c \ t \ r$ /. Удвоение характеризует и большинство сонорных согласных / $n \ n \ l \ l \ m \ u$ /, которое вызывается уже не стремлением избежать трансформации сонорного, а обусловлено количественной стороной предшествующей согласной, всегда являющейся краткой. При наличии предшествующей долгой гласной удвоения сонорной на стыке основы и словообразовательного морфа не происходит:

$\bar{v}\bar{a}l$ "меч" < $\bar{v}\bar{a}l\bar{a}i$ вин.п. ед.ч.

$\bar{v}\bar{a}l$ "хвост" < $\bar{v}\bar{a}l\bar{i}n$ отлож.п. ед.ч.

k̄an-āy

КТ 37.1 "посмотри" :

kayamalar unkan̄nāy k̄anāy (—————) "взгляни ты, обладающая сурменными глазами, подобными большим цветам".

k̄an-ir-ō

КТ 9.8 "посмотрите"

k̄an-ēm allēm

КТ 9.9. "мы не видим".

Различие между подвергающимися удвоению смычными и сонорными определяется и позицией данной фонемы в морфеме или слове: смычная встречается в позиции после стыка морфемы или слова, тогда как сонорная выступает в качестве конечного сегмента морфемы или слова.

/ k-/: ara-k-kanta

ПН 224.2 "ясно увидевший"

i-k-kuti

ПН 43.19 "это племя".

manattu-k-kan

ТК 34.1 "в сознании".

kāvā-k-kāl

ТК 127.1 "если не заботишься"

ena-k-ketta

ТК 69.2. "услышавший, как говорят".

/ c/ ~~ā~~innā-c-col

ТК 35.1 "неприятное слово".

/ t / v̄elvi-t-toril

ПН 224.9 "деяние щедрости".

puka-t-tiranta

ПН 234.5 "открытый, чтобы входили".

ati-t-tērvan

КТ 37.2 "возничий могучей колесницы".

pō-t-tanta

КТ 58.10 "ушедший".

/ p/ vaikka-p-patum

ТК 50.2 "будут положены"

munnura-p-pukarnta

ПН 224.5 "хвалимые, выступив вперед".

aka-p-patuttē

КТ 57.25 "поймав в ловушку".

/ n/ kan-n-ān

ТК 1103.1 "тот, что обладает глазами".

kan-n-al

(kan-n-āe)

ТК 1125.2 "та, что обладает глазами".

kan-n-āy

КТ 1.1 "ты, что обладаешь глазами".

~~TK II25.2 "та, что обладает глазами".~~

~~KT I.I "ты, что обладаешь глазами"~~

pen-n-in

TK 54.I "в сравнении с женщиной".

en-n-ai

KT I.3 "меня";

i-n-nōy

KT 58.20 "эта боль"

nin-n-in

KT 61.8 "от тебя";

mūn-n-ura

ПН 224.5 "когда выступает вперед".

nin-n-ōtu

ПН 236.II "с тобой".

en-n-um

TK 54.I "говорящий".

Удвоение характеризует и / n/, являющейся вариантом / n/:

TK 44.2 "всегда".

e-n-nanrum

/l/ anal-l-avai TK 96.I "те, (ср.р.) что хороши".

val-l-ai-y-ai IIII8.I "если ты сильна".

vil-l-an

KT 37.3 "тот, который держит лук".

cel-l-in-um

ПН IOI.2 "пусть даже и пойдет".

cel-l-al-am

ПН IOI.I "мы не пойдём".

mel-l-iyal

ПН 224.I7 "нежная природа".

val-l-aritīye

ПН IO.I "ты скоро узнаешь".

/ l / kannul-l-in

TK II26.I "из глаз".

kannul-l-ar

TK II27.I "те, что пребывают в глазах".

ullur

TK 216.I "в селении".

makirkol-l-a

KT 58.7 "когда усиливается".

/m/kai-m-mika

num-mai

ПН IO4.I "вас".

tam-m-in

TK 68.I "нежели они".

реу-т-шиn ПН 263.3 "разбросайте".
 /y/ меу-у-ари^{не}а^{те}n рол КТ 37.19 "словно я чувствую тела".
 роу-у-и^{не}а^л 27.18 "обманом".

Таким образом, единственными согласными фонемами не претерпевающими ^{мч} удвоения, являются вибранты / г г г /.
 Удвоение согласных фонем, смычных или сонорных, выступающих соответственно в начале или конце морфемы или слова, имеют целью удержать согласную или предшествующую гласную от возможной модификации, которая может заключаться во фрикативизации согласной или удлинении гласной.

2. Среди других морфонологических изменений наиболее значительную функциональную нагрузку несет количественное изменение гласной, входящей как в состав корневой морфемы, так и некорневой.

Удлинение корневой гласной, затрагивающее весь инвентарь монофтонгов, тесным образом связан с морфологическими процессами, имеющими место как при словообразовании, так и словоизменении. Долгая корневая гласная может характеризовать имена, преимущественно односложные или оканчивающиеся / а /, образованные от глагольных корней. В формах, оканчивающихся / а /, последним согласным является / т / или / ш /, которые не могут выступать в конечной позиции.

a>ā	:nātu	"земля, край"	:natu	"сажать".
	pātu	"страдание"	:patu	"страдать, испытывать"
	tāru	"засов"	tar	"скреплять".
	āru	"путь"	:aru	"отрезать".
i>ī	:ītu	"совершение"	:itū	"совершать".

	vītu	"дом" < vitu	"оставлять".
u > ū:	ūn	"пища": un	"есть, пить".
	ūr	"селение": urai	"жить".
	cūtu	"жар" :cutu	"нагреваться".
e > ē:	kētu	"гибель": ketu	"погибать".
	rēru	"обретение": reru	"получать".
	kēl	"привязанность": kel	"проникать".
	vēl	"щедросердечие" :vel	"быть светлым".
o > ō:	rōr	"сражение" :poru	"воевать, драться".
	tōtu	"лепесток" :totu	"соединяться".
	kōl	"принятие" :kol	"брать".

Удлинение корневого гласного фиксируется в некоторых числительных, субстантивная форма которых включает долгую гласную, тогда как в адъективной форме фиксируется краткая гласная:

āru "шесть" - arukārpītam TL "шестиножник в шиваитских храмах".

arucuvai "шесть вкусов".

arucamaṃ "шесть древних религиозных систем".

ēru "семь" - eḡuravam "семь видов перерождений".

eḡunarakam "семирусный ад".

eḡunā TL "семязыкий Агни".

Удлинение корневого гласного не обязательно связано со смещением значения, а в ряде случаев является следствием опущения / u / второго / u / последнего слога. Примеры с долгим гласным, где происходит компенсирующее удлинение в резуль-

тате выпадения конечного / u /, служат свидетельством фонемного статуса последнего в одной группе форм.

ə̄: ā: aruuir (————) Tz "(редкая) жизнь": aru-mai "нечто дорогое, ценное";

i: i: vir TK I6.1 "падать" -vir "падать".

e> ē: pēranpu ПН 222.2 "великая любовь": pēru "большой".

o> ō: ōrarivuyir "существо с одним чувством": oṟu "один" + arivu + uyir

ōrasaicir "размер в один асей (просодический инкремент).

Удлинение гласного наблюдается в качестве компенсации в процессе гаплогогии, при этом удлинение происходит в различных классах морфем. Кроме общеизвестных случаев типа

pāl "сторона, природа" <paḱal u fol "кожа" <tokal I,
мы можем привести те случаи вариации прономинальных глагольных окончаний в конструкциях типа kantanam и

kant-ēm, где наличие инкремента, который может опускаться, влияет на долготу гласного в личном суффиксе. В показателе комитатива -otu /ōtu имеет место свободное варьирование начального гласного. Удлинение начального гласного может быть объяснено и как компенсация утраты конечного сегмента в послелогоге utan, к которому возводится морф комитатива и как компенсация при выпадении предшествующего инкремента -in, ср.

niraiyotu ПН 262.5 "рядами" >niraiyīnotu niraiyōtu

I/ А.М.Мервэт, Грамматика тамильского разговорного языка, Л. 1929.

nefca-m-etu КТ 27.2I "с сердцем" ср.

ф. makavinetu ПП24.443 "с ребенком".

Удлинение краткого гласного наблюдается и в звательных формах, причем не только в формах типа $tamp\bar{i} < tampi$ "младший брат", или $narunuta\bar{l}$ КТ 37.I2 "о, красавица с благоухающим челом", но и в формах типа $ra\bar{v}ika\bar{l}$ ПП 28.64I.I "о, грешники", где удлинение происходит в гласном суффикса мн.ч. - $ka\bar{l}$.

К числу морфонологических изменений следует отнести утрату назализации или, наоборот, появление назального. Утрата назализации, сопряженная с удвоением следующей за назальной согласной, происходит при трансформации глагола в имя посредством суффиксации:

-mp->	pp-:	virumpru	"желать"	:virupram	"желание"
-fic->	cc-:	añcu	"бояться"	TK 428 -	accam "страх"
-nt->	tt-:	nantu	КТ78.20 "расти"	nattam	TK 235 "рост".
-nt->	-tt-:	tōntu	"копать, разгружать"	ПН 30.II	:tōttam
-nr->	-rr-:	tonru	"появляться"	-	terram TK 124.
nk->	-kk-:	orunku	"вести себя"	-:	orukkam TK 131.
		tunku	"спать"	:tukkam	TK 668.

Утрата назализации происходит в именных формах, выступающих в атрибутивной функции, напр. $cilapp-atikaram$ "повесть о ножном браслете", где первым компонентом является $cilampru$ "ножной браслет";

$maruttunir$ "лекарственная вода" :maruntu+nir

$attaivira$ "годовой праздник" :ant(u)-ai-vira

Появление назального характерно также для атрибутивных синтагм, где в качестве предшествующего компонента выступает прилагательное, а в качестве последующего — имя, начинающееся с согласной, в зависимости от которой меняется артикуляция инкорпорируемого назального.

- m- : ai-m-pulam ТК 43.2 "пять чувств".
 se-m-porul ТК 91.2 "истинный смысл".
 -ñ- : aru-ñ-cirai "суровое заключение".
 aru-ñ-cu am ТЛ "открытая равнина".
 -n- : *kuru-n-toti ТК II35.I "тонкий браслет".
 -m- : *netu-ñ-kan УП 5.I "большие глаза".
 peru-ñ-kunattu^{I.28} "в великой добродетели".

Статус этих гоморганных назальных можно определить следующим образом. В синхронном плане они лишены морфемного статуса, поскольку в плане содержания эти фонемные сегменты не связаны с определенным значением, но должны быть интерпретированы в качестве пограничных сигналов на стыке адъектива и имени. В диахроническом аспекте эти гоморганные назальные указывают на глагольное происхождение адъективов, поскольку гоморганные должны быть возведены к суффиксу айристого причастия — um *.

Ниже были рассмотрены сандхиальные изменения, которые наблюдаются в процессе сцепления значимых элементов в морфологической конструкции. Сандхиальные изменения составляют один из аспектов морфологических процессов и потому, разумеется, не отождествляются с последними. Поэтому мы не рассматри-

ваем в числе сандхиальных изменений такие морфологические явления как метатеза ($\text{ñimiru}'\text{ñma}'\text{mñiru}$) , возникающая вследствие неустойчивости интервокального $-\text{mm}-$, или минусовую морфему звательного падежа (aiya КТ_{aiya} 37, 15 "о господин": aiyan).

Системы внутренних и внешних сандхи должны быть разграничены, поскольку отсутствует совпадение как в наборе признаков в пределах одного и того же подкласса изменений, так и в различии состава самих подклассов. На материале Тируккурала нами было проведено сопоставление внешнесандхиальных и внутрисандхиальных изменений^{I/} и нижеследующие таблицы дают возможность установить различие с точки зрения опущения / u / перед гласными (табл. № 5), разновидностей регрессивной ассимиляции (табл. № 6), взаимной ассимиляции (табл. № 7) и удвоения согласных (табл. № 8).

Табл. № 8 Выпадение / u / перед гласными

последующая гласная	а	ã	í	ĩ	и	ĩ	е	ē	ai	о	ō	au
вид сандхи												
внутренние сандхи	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	
внешние сандхи	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

I/ См. мою статью "Морфофонемика и синтактофонемика классического тамильского языка", ВЯ, 1964, № 3, стр. 97-98.

3
12

gt < n + z

qt < q + i

kn < k + m

sr < r + m

tr < t + m

ks < k + s

qs < q + s

ps < p + s

er < e + r

nr < n + r

ks < k + s

qs < q + s

ps < p + s

gt < g + t

gt < g + t

gt < g + t

gt < g + t

gt < g + t

jt < j + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

st < s + t

k e t b u m n I I m n

Внешние сандхи характеризуются большей полнотой в сравнении с внутренними, что частично объясняется ограниченностью набора фонем в некорневых морфемах, которые играют значительную роль в порождении морфологических конструкций. Внутренние сандхи, характеризующие стыки между морфемами, компенсируют недостаточную разветвленность опущения /и/, регрессивной и взаимной ассимиляции, равно как и удвоения согласных, как системой соединительных фонем /а / и /в /, так и системой флективных инкрементов, что будет рассмотрено ниже. Внешним сандхи присуща большая вариантность (например, $l+t > nr \sim rr \sim r$). Среди внутренних сандхи отмечаются некоторые виды регрессивной и взаимной ассимиляции, не имеющие места среди внешних сандхи, ср. $l \dot{t} \cdot nt$. Различия результатов взаимодействия одних и тех же компонентов $l \dot{t} > nt \sim tt \sim t$ объясняется принадлежностью данного вида ассимиляции к различным видам сандхи; так дегеминация результата ассимиляции имеет место лишь во внешних сандхи ($l \dot{t} > r$ и $l \dot{t} > t$).

x

x

x

СИСТЕМА ПОГРАНИЧНЫХ СИГНАЛОВ

К пограничным сигналам мы относим также сегменты морфемных комплексов, которые находятся на стыке морфем в речевой цепи и которые, будучи лишены фонемного или морфемного статуса, служат показателями принадлежности данного сочетания морфем к определенному классу морфологических конструкций. Среди таких сигналов мы можем выделить гласные и согласные фонемы, инкременты, состоящие из сочетания, по меньшей мере, гласного и согласного, а также просодические элементы.

В языке КТ наблюдаются три соединительные гласные, которые едва ли имеют в данном окружении фонемный статус. Минимальные пары типа viruntu "гость" - virintu "раскрывшись", poruntu "подходить" - porintu "поджарившись"; как правило, для других слов подобрать не удастся.

К числу таких соединительных гласных относятся a i u , которые встречаются преимущественно на стыке корневых и некорневых морфем.

- a-:vil-a-nku * IO.II "сверкать", par-a-mru "гора Пари"
- nin-a-kku I36.23 "тебе", em-a-kku I36.20 "нам":
- avai-y-attu 224.4 "в собрании".
- u-:var-u-ntu IOI.IO "горевать";
- var-i-ntu "проведя линию"; por-u-ntu IO.5 "проходить".
- i-:kal-i-gu 263.I "слон".

Фона i встречается в качестве соединительной гласной и на стыке двух основ перед полугласным y второй основы с

* В этом разделе все ссылки даются на язык Пуранануру.

возможным выпадением конечного и первой основы. В одном случае фиксируется на стыке глагольной основы и инфинитива

-1- 201.1 "он кто" :ivar-i-yār, marriyār:
 "но, однако" "я"; kaniya 133.7
 ma/ru "чтобы увидеть" :kān-i-y-a

В сфере языковой структуры эти соединительные гласные, не будучи морфемами, выполняют двойную функцию, помогая устранить невозможное в плане дистрибуции сочетание согласных и являясь пограничными сигналами, указывающими на то, что далее следует один из ограниченного набора словообразовательных и словоизменительных морфем:

-iku; -pu, -ku, -ru, -a.
 Следовательно, и в этих случаях сохраняется обычная для тамильского языка закономерность, что появляется после гласной среднего и заднего рядов, ^v на стыке прономинальных адъективов типа -a, -i, -e и именной основы, начинающейся с гласной, а-у- фиксируется в позиции после передних гласных.

Несравнимо более сложно обстоит дело с другими соединительными элементами, представляющими собой как простые согласные, так и преимущественно односложные сочетания гласных с согласными. Ниже мы дадим их анализ.

Одной из наиболее интересных соединительных согласных является ^v, фиксируемая в ряде форм с прономинальными морфемами

-n- 222.1 "поющим"; -aṭu-n-ar-kku 221.1.
 "танцующим"; varyu-n-ar-kku 10.8. "проходящим"; -ṭku-n-ar
 235.17 "дающие"; 391.12 "воин, сражающийся",
 roṅu-n-aṅ

ari-n-ai 381.20 "ты знаешь"; ari-nar 373.23.
 "знающие"; amru-n-an 215.7 "заботящийся".

В синхронном плане это -n-, лишенное статуса морфемы, служит для а) устранения зияния, б) указывает на отсутствие нулевого морфа отрицания, который обычно присутствует в конструкциях типа ari-y-en "я не знаю", kān-ār "они не видят".

Таким образом, -n- фиксируется в сочетании глагольной основы с прономинальными морфами -ai 2 л. ед. ч., -an 3 л. ед. ч. м. р., -ar 3 л. мн. ч. Uyar. Возникающая в результате форма является именной, поскольку вступает во взаимодействие с падежными морфами: varunarkku 10.8, pātunarkku 222.1

Соединительная согласная -n- наблюдается в другом окружении, что весьма важно для нас. Указанная -n- встречается при сочетании глагольной основы с прономинальным морфом при наличии предшествующего -yu-, который мы проанализируем несколько ниже:

-yu-n-am: yām taṅ ari-y-un-am-āka

"мы знаем его (букв. "мы будучи знающими его");

--yu-n-ar: malai-yu-n-ar 286.7 "враги", "враждующие";

ari-y-un-ar 224.5: murai narku ari-yu-n-ar "хорошо знающие закон".

Что же представляет собой этот элемент -yu- и чем можно объяснить наличие вариантов типа arinar 373.23 и

ariyunar 224.5 при их несомненном семантическом тождестве?

Возможно следующее объяснение этого любопытного явления. В древнем тамильском языке для выражения аориста служил морф -um, который служил лишь для выражения времени^{1/}, а лицо было выражено нулем, напр. $\bar{t}\bar{a}\bar{f}\bar{n}$ ariyum "он знает". В подобной форме -у- служит для устранения зияния. Этот факт подтверждается наличием в языке Еттутохей, в частности в антологиях Пуранануру и Парипадаль, целого ряда форм, в которых, как констатировал Л.В.Рамасвалла^{1/} и Айяр, к упоминаемому морфу присоединяются личные окончания.^{2/}

al ilai tāli koṭu-y-um-ōṇ 252.3 "он срежет пальму с густой листвой"; emmāi viyakkarpatimor^(тц) 197.9 "они будут нами хвалимы" :viyakka-p-patu-ū-um-ōṭ . На основании структурной и семантической близости форм типа arinar, ariyumar, koṭuyumōṇ, viyakkarpatimor, считая важным признаком фиксации -уи- в вышеуказанных формах, мы видим достаточную основу для возможного отождествления -п- / -um- с -т / -um в указанных формах. Видно, формы с -п- являются более позднего происхождения, чем формы с -т-. Дальнейшее развитие форм с -um шло по линии увеличивающейся субстантивизации, прономинальные формы с -um, сохраняя свой глагольный характер, выступали в предикативной функции. Впоследствии эти формы с -um были замещены конструкциями с -v-, -p-, -pp-, образовавшими в тамильском регулярную парадигму.

1/ L.V.Ramaswami Aiyar, The Morphology of the Old Tamil Verb, p.765.

2/ ibid p.764.

В качестве соединительной фонемы на стыке основы прошедшего времени с морфем протерита -i- и показателем лица выступает также n, аллограф n ;

-n-: nōkk/u/-i-n-ai 42.34 "ты посмотрел"; nān-i-n-ai 43.16 "ты устыдился"; nōkk/u/-n-ar-ē 42.21 "они увидели"; kāv/u/-i-n-ai 10.11 "ты пожелал".

В качестве соединительных согласных на стыке глагольной основы и словоизменительного морфа фиксируются kk pp r при этом природа pp r не совсем ясна.

Неясно, являются ли они чисто соединительными элементами, или же выступают в качестве показателей будущего времени:

-kk-: tīr-kk-um 164.13 "уничтожающий";
-pp-: uva-pp-a 373.6 "стоит радоваться";
alai-pp-a 373.23 "когда мучаются";
icai-pp-a 373.1. "когда звучит"; nīnai-pp-in
 213.4 "если думаешь". -p-: nir-p-in 10.5 "если встанешь"; niē;
kētra 168.18 "слушать"; kēl-p-a

В языке анализируемого текста фиксируется ряд флективных инкрементов в определенных позициях:

-an-urai-tt-an-an 136.22 "я сказал" (uraittanān uānā ^{ka})

I/ Ср. замечание Ж.Вэнсона, который придает эвфонический характер -n- в -in, хотя предпочитает рассматривать данный инкремент как надежный суффикс, см. ук.соч., стр. III. С последним предположением трудно согласиться.

"я сказал); yañē pirai-tt-an-en 43.26 "я ошибся";
 (nir)ken-t-an-en "я увидел"; pula-nt-an-ai 236.5
 "ты обиделся"; ari-nt-an-ai 164.9 "ты знал"
 (ari-nt-an-aiy-ayin "если бы ты знал"); un-t-an-an
 234.4 "он съел"; māy-nt-an-ai matantai 245.6 "умерла мо-
 лодая женщина"; uyir kettanrē 282.6 "жизнь погибла"
 ket(u)-t-an-tu-ē; arppueruntanru 241.5 "поднялся шум"
 eru-nt-an-^tu; vantanam 10.13 "мы пришли"; var-t-an-am
 (~~ar-t-an-as~~) 381.4 "мы пребывали"; iruntanem
 viruntū uruttu arri irunteḷāki 381.4 "устроив
 пир", пребывая в радости" (букв. "мы, будучи пребываемы в
 радости"); utanranir 110.2 "вы разгневались"; utal-t-an-
 -ir; perḡanar (—————) 110.4 "они пролучили"
 per(u)-t-an-ar; kalai-nt-an-ar 224.17 "они срывали":
 makalirum irai kalaintanarē "и женщины срывали с себя
 украшения".

Примечательно употребление -an- и в форме tor-āt(u)-
-an-ai 263.3 "ты не поклоняешься", где -an-
 находится на стыке морфа отрицательного деепричастия и пока-
 зателя 2 л.ед.ч.

Следовательно, за исключением только что рассмотренного
 случая, инкремент -an- встречается в претеритальных кон-
 струкциях на стыке морфемы времени, выступающей в вариантах
-t-, -tt-, ,t-, -(n)r-, -(r)r-, -nt- и в различных морфвах ли-
 ца. Как ясно из вышеприведенных примеров, эти морфы служат
 для выражения различных лиц с дифференциацией по числам и

родам:

	<u>ед.ч.</u>	<u>мн.ч.</u>
1л.	-an, -en	-am, -em
2л.	-ai	-ir
3л.м.	-an	-ar
3л.ж.	-al	
3 л.с.	-tu	-a, <i>мной</i>

В условиях довольно редкой неупорядоченности прономинальных морфем в глагольных конструкциях языка ПН безусловно привлекает внимание стабильность прономинальных морфем в претеритальных формах с инкрементом -an. Лишь морфы 1л. обоих чисел выступают в двойственной альтернации. В плане фонемической структуры для всех личных показателей, присоединяющихся к временному морфему посредством инкремента -an, характерно наличие краткого гласного.

Иное окружение характерно для флективного инкремента -in:

virupp <u>in</u> an	101.3 "обладающий желанием";
t <u>er</u> inar	197.2 "обладающие колесницей";
p <u>er</u> -anp(u)- <u>in</u> -an- <u>e</u>	222.2 "он обладает великой любовью";
natp <u>ir</u> ku	236.6 "дружба".

Если рассмотренный выше инкремент -an- встречается, как правило, в претеритальных глагольных конструкциях и, как мы заметили, на стыке временного и прономинального морфем, то в аористных конструкциях мы фиксируем инкремент -ku /-kku но уже на стыке глагольной основы и показателя времени:

k <u>et</u> kuvan kollō ?	225.9 "услышит ли он?"
	<u>k<u>e</u>l-k<u>u</u>-v-an</u>

- en-ku-v-ai 20.I.I "ты спросишь";
 un-ku-v-am I36.27 "мы будем вкушать";
 varu-ku-v-an 2I6.I2 "он придет! innatu ōr kālai nillalan
innē varukuvan (—————) "тот, что не находился (с на-
 ми) в хорошее время, теперь приходит";
 tīr-kku-v-em (—————) 38I.I6 :uyarkkamam tirkku 38I.I6
 "мы уничтожим страдание"; irukkavai 225.5 "ты будешь"

Факт фиксации инкрементов -ku/-kku в конструкциях будущего времени никак нельзя считать случайным. Инкременты -ku /-kku встречаются и в конструкциях с морфом -t-, служащим для выражения аориста^I:

sey-ku-t-um "мы сделаем", kotu-kku-t-um "мы дадим".
 Нет сомнения, что -kku служит дополнительным пограничным сигналом, указывающим на план будущего времени. Характерно, что в языке ПН морфема будущего времени выступает преимущественно как -v-, независимо от класса глагола. Однако с глаголами слабого и среднего спряжения, которые в современном языке требуют ^{-pp-} или -p- в план будущего времени, употребляется лишь инкремент -ku-. С глаголами сильного спряжения, требующими в современном языке в плане будущего времени -pp-, употребляется инкремент -kku-.

Одним из наиболее интересных инкрементов является -cin-
 uyar-nt-i-cin-ōr-kku 2I4.6 "возвысившимся"; uyarnā
 vēttattu uyarnācinōrkku "возвысившимся в возвышенном желани-
 ии".

Характеристики -cin- в тамильском языке периода санги посвящена статья А. Садашивама, содержащая исчерпывающий материал встречаемости -cin- и предлагающая сегментацию -c-in (по аналогии с -in) на -c-, рудимент неизвестного самостоятельного морфа, и -in, показатель 2 л. мн. ч. I/

Только п несколько раз упоминает о сегменте -cin-, ср. Collatikāram 276, 277, 297, Автор Наннул включает -cin- в число эксплетивных частиц в формах всех трех лиц²⁷. В ПН сегмент -cin- встречается в следующих формах:

- а) 1 л. ед. ч. претерита: nin kanku vant-i-cin-e
 "я пришел увидеть тебя"; yārīgō enar perum collan pirar kūra varik kētt-i-cin 150.24
 "Он не говорит имени, когда /его спрашивают/ "кто вы?"; /но/ я услышал от других";
- б) 3 л. ед. ч. м. р. и ж. р. претерита: tāmarai velli nārā rūr perricin II. "Он взял цветок лотоса, подернутый серебряными нитями"; cīraṅṅutaiya irai perr-i-cin-e II.3
 "Она приняла прекрасное ожерелье": perricinē II.8
- в) 2 л. ед. ч. аориста: en terrē pūncol pōrricin peruma 202.16 "О великий! Выслушай терпеливо мое неясное глупое слово!" niraivalai munkai parri varai niral cērkaṁ natta-tt-i-cin^{cirite} "Возьми /мою/ руку, покрытую браслетами. Мы пойдем под тень горы. Пройди немного!"; netuvēl vati- 180.14 tt-i-cin "Ты выправишь мое длинное копье"

I/ A. Sathashivam, The Suffix cin in Cankam

2/ Tamil, p. 142.

Nannūl, Cūttiram 373.

Ср. kānticin:nal kālam kānticin Аханануру 376.13

"Ты увидишь хорошее время"; em vayin rasantanru kānticin
natal Аханануру 376.13 "Ты увидишь, как у нас
 лоб станет бледным";

г) в причастных именах претерита с последующим прономи-
 нальным -ōr ср. в Аханануру: rukar-nt-i-cin-ōn
 "хваливший"; irant-i-cin-ōl 306.15 "ушедшая";

uyarata vēttattu uyar-nt-i-cin-ōr-kku
 ПН 214.6 "возвысившимся в возвышенном желании"; maraiyilai
pōla māynt-i-cin-ōr 27.6 "Многие исчезли как листья
 лотоса";

д) в морфемных комплексах с -anru-, формой отрицатель-
 ного глагола: jal:ivarku ika enṇimativuṇṇanricinē (←) (→)
 289.7. "будучи лишенным радости сказать: "дай
 ему!"

Ср. употребление -cin- в Натриной и Аханануру с
 предшествующим эксплетивным marru и с последующим -ānku
 служащим для выражения уподобления!

В отношении -cin- можно прийти к следующим предва-
 рительным выводам. Сегмент -cin- встречается в аб-
 солютном большинстве случаев в глагольных комплексах во
 всех 3-х лицах единственного числа и в Зл.мн.ч. Uyar. По
 нашему мнению, нет никаких оснований выделять в -cin-
 элемент -in как показатель Зл.мн.ч. Более того, именно

в конструкциях первых двух чисел мн.ч. сегмент -sɪŋ- не зарегистрирован. Как правило, -i-sɪŋ- присоединяется к морфемной превербе, ср. vaɪtɪsɪŋ, reŋtɪsɪŋ, ʉaɪnɪtɪsɪŋ, naɪfaɪtɪsɪŋ, но при мере, приведенные в разделе в), т.е. naɪtɪsɪŋ, naɪfaɪtɪsɪŋ

vaɪtɪtɪsɪŋ и особенно kaɪtɪsɪŋ с сохранением долгого /a/ свидетельствуют о том, что в данном случае -i-sɪŋ- присоединяется к аористному морфему -t- /-tt-.

Учитывая взаимную комплементарность морфем аориста и лица в классической тамильской языке, можно с достаточным основанием считать, что формы с -i-sɪŋ- служат для выделения глагольных форм и причастных имен разных лиц, исключая первые два лица множественного числа. ~~Ни в одном уроке не упоминается, видимо,~~

Вышеуказанные примеры дают возможность прийти к следующему выводу. Инкремент -sɪŋ- во всех случаях сочетается с предшествующим -i-, который не является всюду однозначным. В аористных морфемных комплексах типа naɪtɪsɪŋ, naɪfaɪtɪsɪŋ /см. пункт "в"/ инкременту -sɪŋ- предшествует показатель 2-го л. ед. ч. -i- ср. aɪtɪ tɪ "ты знаешь". Во всех других случаях инкременту -sɪŋ- предшествует морфемная преверба -u-, который под влиянием переднего гласного ⁶ -sɪŋ- трансформируется в -i- например, ʉaɪnɪtɪ-sɪŋ-ʉɪnɪtɪ-sɪŋ-ku, ʉaɪnɪtɪsɪŋ-naɪtɪsɪŋ-ku

дальнейшему членению. Сегмент -sɪŋ- лишен морфемного статуса и не присоединяется к личным морфемам, о чем свидетельствуют отсутствие дифференциации по лицам в примерах группы а), б) и способность взаимодействовать с последующими прономинальными морфемами в причастных именах. Элемент -sɪŋ- выполняющий функцию пограничного сигнала в указанных конструкциях, следует отнести к классу просодических аугментов, называемых в тамильских грамматиках saɪtɪuət

Ср. Наряду с -sɪŋ- интересным двусложным просодическим элементом является -keɪu-, очевидно, лишенный какого бы то ни было лексического значения. В отличие от всех тронализованных инкрементов, фиксируемых, за исключением -ɪŋ-, в позиции между свободными формами, связанными, однако, как

следует из дальнейших примеров, взаимными синтаксическими отношениями, выраженными посредством нулевых морфов:

cilaikeru kuravar 236.2 "охотники с луками";

malaikeru nātu 236.3 "страна гор": cilaikeru_{I/}

kuravarkku alkumisaivvu ākum malaikeru nāta (—————)

"О, властелин страны гор, которая послужит послеполуденным яством охотникам, вооруженным луками!"

3.3.7. В качестве просодических элементов наблюдаются долгие гласные \bar{u}, \bar{i} , которые, однако, фиксируются в строго определенном окружении.

- \bar{u} -:var- \bar{u} -um 262.5 "возвращающийся": niraiyoṭu

varūum ennaikku 262.5 "моему властелину, возвращающемуся с войском, идущим рядами";

var- \bar{u} -at(u)- \bar{u} -um I.I: "он придет"; katantat(u)- \bar{u} -um 224.I

"как только перешел"; pūra-nt-at(u)- \bar{u} -um 224.4 "лишь

только позаботился"; muti-tt-at(u)- \bar{u} -um 224.9 "как только закончил".

- \bar{i} -:nir- \bar{i} -i (—————) I65.2 "лишившись": tamrukaṭ nirīi

"лишив своей похвалы"; mar- \bar{i} -i-y- \bar{o} n- \bar{e} 234.6 "тот, кто

привык": palagoṭu unṭal marīyone "привыкший вкушать со многими".

I/ Заметим, что в этой типичной для ~~Сентамижа~~ классического тамильского языка, конструкции все слова, начиная с cilai "лук" и кончая malai(keru) "гора", являются определением не к nāta, форме звательного надежа от nātan < nātu-an "властелин гор", а лишь к первому компоненту этого слова, а именно к natu .

Следовательно, просодический элемент -u- фиксируется на стыке глагольной основы или претеритальной формы с -atu и морфа -šum, который в одном случае служит для выражения аориста, а в другом — способствует образованию временного оборота, который соответствует русскому "как только..., так...". Что касается просодического -i-, то последний встречается на стыке глагольной основы и морфа претерита -i-, способствуя образованию специфической для сентамижа деепричастной конструкции или же причастного имени с прономинальным морфом. Поскольку полная форма глагольной основы рассмотренных выше глаголов является maruvu и paruvu, которые в претерите взаимодействуют с временным морфом -i-, то мы вправе рассматривать долгий -i- в качестве компенсирующего элемента при происшедшей гаплогогии: maruvu-i-y-ov--paruviyon pariyeu > pariiyeu.

Систему соединительных согласных инкрементов и просодических элементов целесообразно представить графически, используя следующие условные обозначения:

ГО — глагольная основа

ИО — именная основа

МА^I — морф аориста -v- /kət-ku-v-am/

МА² — морф аориста -t- /kotu-kku-t-am/ —am

МА³ — морф аориста -um /varu-u-um/
perricin perr-u-cin

МЛ — морф лица типа -ai, am /ari-n-ai, ari-y-u

МД — морф деепричастия -kku patu-n-ar-ki

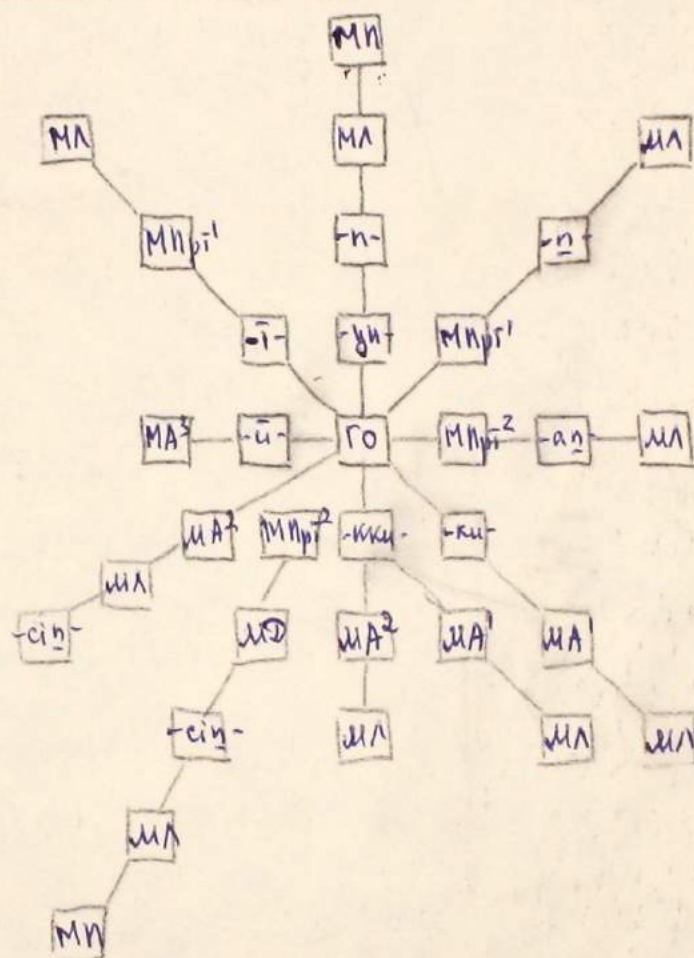
МП — морф надежа типа v v

МПрт¹ - морф претерита $-i-$ /nokku-i-n-ai/

МПрт² - морф претерита $-tt-, -nt-$ и другие

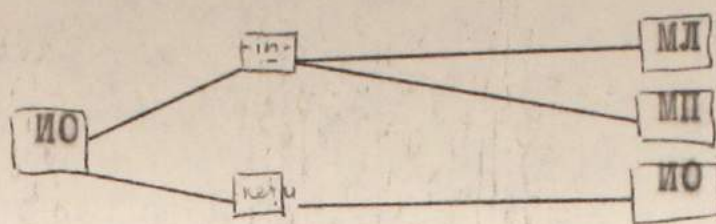
алломорфы $-t-/urai-tt-an-an, uar-nt-i-cin-ōr-kku/$

Конструкции с ядерной глагольной основой можно представить следующим образом. Каждый из прямоугольников указывает на морф или соответствующую соединительную фону, флективный инкремент или просодический элемент.

Конструкций с ядерной именной основой, в которых встречаются инкременты, гораздо менее, и они представлены в тексте тремя видами: 1) $vi\bar{r}urp(u)-i-n-an$ "обладающий желанием", 2) $natp(u)-in-ku > natp\bar{i}rku$ "стране", что графически можно себе представить следующим образом:

#3/malaikerunatu malai-keru-natu "страна гор"

Очевидно различное распределение инкрементов и просодических элементов по глагольным и именным конструкциям. Элементы -n-, -n-, -an-, -ku-, -kku-, -i-sin-, -u-, -i-, наблюдаются в глагольных конструкциях: элементы -in- и keŋu отмечаются в именных конструкциях. Становится ясным и распределение инкрементов внутри каждого класса. Так, -n- наблюдается в отглагольных образованиях на стыке глагольной основы и лица с возможностью дальнейшего взаимодействия с падежными морфемами; -n- наблюдается лишь на стыке глагольной основы прошедшего времени с алломорфом претерита -i- и прономинальным окончанием; -an- фиксируется на стыке глагольной основы прошедшего времени с одним из вариантов морфемы претерита -t- и личного окончания с краткой гласной. Инкременты -ku- и -kku- различно распределяются в зависимости от слабого или сильного спряжения глагола и наблюдаются на стыке глагольной основы и одного из двух аористных морфем. Инкремент -sin- встречается на стыке морфа претерита и прономинального показателя с возможностью дальнейшего взаимодействия с падежными показателями. Наконец, просодические элементы -u- и -i- различно распределяются по аористным и претеритальным конструкциям.

x

x

x

МОРФЕМЫ НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Тамиловедам достаточно хорошо известен тот факт, что двух-плановая система времени в древнетамильском языке была замещена на протяжении ряда веков трехплановой: в древнем языке различались глагольные конструкции перфективного претерита и аористного настоящего-будущего времени.^{1/} Морфема настоящего времени -kir-/-kkir- заняла прочное место в морфологической структуре в период после третьей санги и, по крайней мере, после появления Парипадаль и Шилаппадикарам, где впервые фиксируется морф - -kir- - в сочетании с последующим морфом причастия - ^{2/} -a. Представляется интересным проанализировать морфы аориста в древнетамильском языке на материале ряда древнетамильских литературных памятников, в частности, Калитохей /КТ/, Пуранануру /ПН/, Тирукурал /ТК/ и Шилаппадикарам /ШПл/, которые были созданы не позднее середины первого тысячелетия н.э.

1. Морфы времени, претерита или аориста, не фиксируются в сочетании с основами недостаточных глаголов. Морфы, служащие для выражения лица, присоединяются непосредственно к основе недостаточного глагола без появления нулевого морфа отрицания, фиксируемого обычно при присоединении морфа лица к основе обычного тамильского глагола.

^{1/} J. Vinson, Manuel de la Langue Tamoule, p. IV

^{2/} L. V. Ramaswami Aiyar, The Morphology of the Old Tamil Verb, s. 765.

KT 97.35 "мы лишены": уам titu il-ем "мы лишены зла"
 11-ем
 ul-an-a? KT 22.11 "жив ли я?", но
 уарип var-ен KT 16.23 "и я не буду жить".

Среди морфов аориста мы можем выделить четыре группы:

- /1/ -um, -kum, -kkum;
 /2/ -v-, -p-, -pp-, -m-;
 /3/ -t-, -tt-
 /4/ -k-, -ku-/-ko, -kku/-kko

Как группы, так и единицы этих групп настолько различаются между собой по своей сочетаемости с предшествующими и последующими морфами, что необходимо проанализировать особенности каждой группы отдельно.

Морф -um и его варианты присоединяются к глагольной основе и служит одновременно как для выражения времени /аориста/ так и лица. Формально лицо не выражено в отличие от других лично-временных конструкций, и данный морф фиксируется в конечном глаголе, и его прономинальная сфера не ограничена Зл. ед.ч. *Ahr.*, как это имеет место в современном тамильском языке

KT 13.
malaivule pirappinam malaikku avai tam en ceuyum
 14 "хотя они и родились в горах, какую пользу сами они приносят горе?" /Зл.мн.ч. *Ahr.* /; ТК 69 "возрадуется ... мать". Толькаппиям /сутра 227/ констатирует употребление -um для выражения Зл.ед.ч. и Зл.ед.ч. и мн.ч.

Ahr. Ж.Вэнсон показал, что -um употребляется также для выражения Зл.мн.ч. *Uya r.* 4/. Конструкцию *kankum uam*
kankum KT 96.26 "мы увидим" можно интерпретировать двояко:
 и как *kan-kum* где -kum представляет

"мы увидим" можно интерпретировать двойко: и как где представляет морфофонемический вариант анализируемого -_{um} и как сочетание морфа времени -к- и показателя лица -um .

В конструкции -um занимал периферийную позицию, но не всегда. В отдельных случаях за ним могли следовать морфы числа и чаще лица^{5/}; ur-um-kal Чинтамани 3.17 "они /ср.р./ приближаются"; ari-y-um-or ПН 137.4 "знающий"; ratu-u-um-or ПН 197 "страдающие".

Возможно, что форма -untu, встречающаяся в ПН, является сочетанием -um с -tu, прономинальным морфом 3 л.ед.ч. Ahr. : kannenna malar pukkuntu ПН 137.8. "распускаются цветы, подобные глазам", где malar стоит в единственном числе. Конструкции аориста с -um и его вариантами были замещены впоследствии личновременными конструкциями типа ceu-v-ar и т.д. Однако в глагольной парадигме современного языка остались рудименты; так в качестве формы 3 л.ед.ч. Ahr. имеет хождение не ceuvatu, являющаяся от глагольным именем, а ceu-y-um^{6/}.

Представляется очевидным, что рассматриваемый морф -um совершенно отличен от -um в форме atu-t-um Шил. 9.63 "мы станцуем". В первом случае -um является вариантом -kum/-kkum, взаимодействует с предшествующей глагольной основой; во втором случае -um, выражая значение I л.мн.ч., является комбинаторным вариантом морфемы I л.мн.ч. с алломорфами -am, -em -em и присоединяется к показателю времени. Можно считать, что

5/ J.Vinson, op.cit., p.116, L.V.Ramaswami Aiyar, op.cit.p

6/ H.beuth n, Praktische Grammatik der Tamilprache, s.82.

-um в форме ceууum "они сделают" служит для выражения времени, а не лица. Такая точка зрения подкрепляется выше-приведенными примерами где к -um присоединяются личные окончания -оутор, -untu . Это подтверждается также тем фактом, что недостаточные глаголы, лишённые способности взаимодействовать с морфами времени, не могут вступать в сочетание с рассматриваемым морфом - um.

Основную функциональную нагрузку в плане аориста в упомянутых текстах несут морфы -р-, -v-, -pp- . Для конструкций с морфом -v- характерна инкорпорация инкремента -ku/-kku на стыке основы и -v-: kan-ku-v-am Шил.8.II6 "мы увидим"; ari-ku-v-en КТ 95.I0 "я знаю"; ketu-kku-v-en ПН. 73 "я дам".

В плане сочетаемости с последующим прономинальным суффиксом морф -v- характеризуется широким чередованием морфа одного лица даже в пределах одного текста. Так, морфема Iл.ед.ч. в позиции после -v- встречается в следующих вариантах: -al, -en, -em: ari-v-al¹? Шил. 18.37 "погибну ли я?", ari-v-en Шил.10.6 "я узнаю"; ullu-v-en ТК II25.I "я вспомню"; ari-v-al ТК II29.I "я знаю"; ketu-v-al ТК II6.I "я погибну". Морфема Iл.мн.ч. в тождественной позиции манифестирует варианты -am, -am и -em: mori-ku- -am КТ 33.8 "мы скажем"; kan-ku-v-am Шил. 18.II6 "мы увидим"; ratu-v-am КТ 4.I "мы будем петь"; cel-v-em КТ 72.52 "мы пойдем"; ari-v-am ТК 36.I "мы узнаем". В конструкциях с морфами -р- и -pp- в проанализированных нами текстах не было отмечено подобного чередования личных морфем. Вариан-

ты местоименного суффикса могут находиться в дополнительном распределении в зависимости от варианта одной и той же морфемы времени: varuntu-v-al КТ II.11 "я буду страдать";
 Kān-²pen КТ 3.48 "я увижу"; ^{туяа}ura-pp-en КТ I.7
 "я переживаю горе".

Любопытной формой является конструкция с морфом -pu при-
 соединяемым непосредственно к глагольной основе; например,

enpai nokku-pu munnattir kattutal allatu КТ I.3.4
 "смотря на меня, не показывает вида"; iniyana kura iraiṅcu-pu
 nilam okki ninaiya-pu vetitu onru nin arpaḷ pol ТК 21.22
 "стоит сказать такие слова, как она опускает глаза вниз, на-
 клонившись и размышляя, словно о чем-то большом"; kainekir-pu

poṅuāka vīratēn avan mārpil КТ I.16-17 "сделав
 вид /что слабей/ я, разжав руки, упала ему на грудь". Эта
 форма фиксируется в Шилаппадикарам, в словах пастушки Мадари,
 видящей зловещие приметы:; āyam natunṅku-pu ninṅu iraiṅcu Шил.17.4

"застыв погружены в печаль коровы, дрожа от страха". Данная
 форма, видимо, служит для образования деепричастия аориста
 настояще-будущего времени с оттенком инкогнитивности. Во всех
 примерах фиксируется -pu ; в случае с ninai-y-pu наблюда-

ется инкорпорация соединительного u с предшествующим полу-
 гласным y, служащим для устранения зияния. Эта деталь меша-
 ет сблизить данную форму с деепричастной конструкцией -p-akku
 /-pp-akku, где краткость или долгота билабиального смыч-

ного зависит от глагольной основы, ср. pātu-p-akku ТК "чтобы
 испытать"; vē-p-akku II28.2 "чтобы сгореть"; kara-pp-

akku II27.2: II29.1 "чтобы скрыться". При неопределенности

$\bar{a}kku$ начальный $=p/=pp=$ следует отождествить как морф аориста.

К числу древних форм относится конструкция с $=pa$, присоединяемая к основе конечного глагола и служащая для выражения третьего лица множественного числа Uyar. , в то время как на более позднем этапе $=pa$ служит лишь выражения Зл.мн.ч.

TK 66.1; 73.1; 76.1 "они /мудры/ говорят";
Aiyar. : $\bar{e}p-pa$
katalar $\bar{e}van$ $\bar{c}ey-p-a?$ KT 42.16 "что сделают влюбленные?";

$\bar{p}atu-pa$ $\bar{e}p-pa$ $\bar{p}aricilar$ ПН 168.20 "нищие говорят, что они будут петь".

Достаточно загадочным морфом является $-m-$ В $-m\bar{a}g$

$\bar{k}an-m-ag$ KT 41.28: $\bar{t}u\bar{a}kkun\bar{a}g$ $\bar{a}ll\bar{a}g$ $\bar{n}atun\bar{k}utal$ $\bar{k}an-m-ag$
"не отрешившиеся от земной жизни почувствуют трепет" /букв.:
"увидят трепетание"/; также $\bar{k}an-m-a$ ПН 15.14, $\bar{i}ru-m-a$ ПН
282.5;

Ж.Вэнсон без достаточного основания считает, что элемент $-m-$ В $-m\bar{a}g$ родственен сегменту $-m-$ В $\bar{u}am$ "мы", $\bar{t}am$ "они сами". Л.В.Рамасвами Айяр полагает, что $-m-$ В $-m\bar{a}g$ восходит к рассмотренному выше $-um$ ^{1/}, к которому и присоединяется местоименный суффикс. Его точка зрения достаточно правомерна; однако нельзя ли рассматривать $-m-$ как вариант $-m-$, который в позиции перед следующим гласным $-ep$, $-ag$, восходящим к $-op$, $-og$, становится губно-губным назальным и противопоставляется губно-губному смычному $=p\bar{i}$? Возможно также, что в конструкциях типа $\bar{k}an-m-ag$ происходит прогрессивная ассимиляция $v > m$, а в других конструкциях возникает по аналогии.

Морфы $-t-$ / $-tt-$ представляют собой особый интерес в различных аспектах: своей ограниченной сочетаемостью с последующими прономинальными суффиксами, неопределенным значением, дальнейшим развитием.

Морф $-t-$ / $-tt-$ фиксируется лишь в сочетании с последующими прономинальными окончаниями 1 л. мн. ч. и 2 л. об. ч. чисел, соответственно:

$\bar{a}tu-t-um$	Шил. 9.63 "мы совершим /омовение/":
$i\bar{r}u-tt-um-\bar{o}?$	КТ 75.19 "будем ли мы?"
$\bar{c}eri$	ТК 1249. 2. ты идешь : $\bar{c}el-t-i$.
$uanr-t-i-o?$	КТ 20.31 "чувствуешь ли ты?"
$vagu-t-i$	КТ 91.14 "ты приходишь"
$peru-t-ir$	Шил. II.124 "вы получите"
$\bar{v}entu-t-ir$	Шил. 7.33 "вы пожелаете"

Сопоставление с конструкциями, где морф времени выражен посредством $-r-$ $-rr-$, показывает, что в данном случае мы сталкиваемся не только с ограниченной сочетаемостью с последующими личными окончаниями, но и их особым вариантом. В качестве прономинальных морфов указанных конструкций наблюдаются $-\bar{a}m, -\bar{a}, -\bar{e}m$ 1 л. мн. ч.; $-\bar{a}y, -\bar{o}y$ 2 л. ед. ч.; $-\bar{i}r$ 2 л. мн. ч. Следовательно, прономинальные морфы находятся в дополнительном распределении в зависимости от предшествующего морфа времени.

Анализ конструкций с морфом $-t-$ во всех случаях показывает, что данный морф служит для выражения неопределенного настоящего-будущего времени; в наших примерах невозможно выделить значение прошедшего времени, как это делает К.Н. Пил-

лей^{8/}. Однако можно установить то специфическое значение данной формы, что она предполагает обращение ко второму лицу,⁹ иначе говоря, ~~мы имеем дело с хортативной конструкцией.~~^{9/}

Личные окончания также находятся в дополнительном распределении с синонимичными прономинальными морфами, фиксируемыми в конструкциях прошедшего времени с морфом $-t-$ типа *kantem* КТ 97.28, *kantir* КТ. 73.19, но *kurittanai* КТ 91.14, где краткость начального гласного /^a/ в = ^{ai} наблюдается одновременно с предшествующим флективным инкрементом $-an-$. Возможно, что именно необходимость дифференциации форм с аористным $-t-$ от конструкций претерита с = ^t = вызвала употребление особых вариантов прономинальных морфов. Следует отметить также и тот факт, что рассматриваемый аористный = ^t = от конструкций претерита с = ⁱ = вызвала употребление особых вариантов прономинальных морфов. Следует отметить также и тот факт, что рассматриваемый аористный = ^t = фиксируется преимущественно в сочетании с теми глагольными основами, которые взаимодействуют с морфом претерита = ⁱ = или позиционными вариантами $-nt-$, $-r-$ /*ati-*, *irunt-*, *cenr* и т.д./ . Трудность дифференциации от форм претерита, видимо, является причиной не только ограниченной сочетаемости с последующими прономинальными морфами, но и дальнейшего выпадения этого морфа как ядерной единицы морфологической системы тамильского языка.

8/ L.V. Ramaswami Aiyar, op. cit., p. 767.

9/ Ср. Bh. Krishnamurti, Telugu Verbal Base, p. 190.

Если тождество данного морфа -t- с морфами настоящего времени древнего телугу -du-, -d- /vandu-du-mi /vand-eda-mi "мы варим"; vandu-d-ami "мы /инкл./ варим"; давайте варить" ^{10/} не является случайным, то это означает, что в данном морфе -t- мы имеем дело с древним элементом, который был присущ обоим языкам до их отделения, либо древний телугу заимствовал его из тамильского в результате контакта. Наличие морфа -t- в глагольной парадигме будущего времени в языках центральнодравидийской группы, а именно колами, парджи, наики, подтверждает мнение, что данное совпадение не является случайным. ^{11/}

Характерный признак конструкций с морфом -k- заключается в ограниченности сочетаемости с прономинальными окончаниями I л. обоих чисел; так конструкции с -ku- /-kku, -ko /kko употребляются лишь для выражения I л.ед.ч., а -k-am, -k-em, -k-im - для выражения I л.мн.ч.;

-ku-:kan-ku	"я увижу
-kku:para-kku	^{12/} "я появлюсь"
-ko: ucavu-ko	KT 35.4 "я посветую"
caeyu-ko	Шил. 7.39 "я сделаю"
-kko: urai-kko	TK 1181.2 "я скажу"
-k-am:kan-k-am	TK 1301.2 "мы увидим"

^{10/} B. Krishnaswami, *op. cit.*, p. 190.

^{11/} См. M. B. Emeneau, *Kolami, a Dravidian Language*, p. 74.
T. Burrow & S. Bhattacharya, *The Parji Language*, p. 55;
S. Bhattacharya, *Naiki of Chanda*, p. 96.

-k-em:patu-kem 5.4 "мы будем петь"

-k-em:patu-k-em Шил. 17.22 "мы будем петь"

-k-um:un-k-um ПН 125.4 "мы вкусили".

В ряде случаев, однако, зафиксирован в сочетании с ^{-k-} морф I л.ед.ч.: apacal un tan arum tuyar kalaiken 13/

Шил. 15.68 "не бойся, я снимаю твое редкое горе". Данный морф ^{-k-} видимо, не имеет ничего общего с инкрементом ^{-ku-}, который наблюдается на стыке глагольной основы с морфом времени, как ^{-v-}, так и ^{-t-}:

kan-ku-v-am Шил. 8.116 "мы увидим",

kotu-kku-v-em ПН 73.4 "я отдам",

patar-ku-t-um Шил. 11.161 "мы пойдем".

Этот инкремент можно признать пограничным сигналом, указывающим на следующий далее морф времени, тогда как инкремент типа ^{-an-} сигнализирует на следующий за морфом времени прономинальный суффикс, напр. tuni-nt-an-ir КТ 30.11 "вы решились";
etu-tt-an-an КТ 1.19 "он поднял". Видимо, омоформой проанализированных сегментов ^{-ku-}/^{-kku} является ^{-ku} в конструкциях типа kankilen Шил. 18. 12 "я не вижу", где легко выделить компоненты kanku +ilen "я не имею"

12/ J. Bloch, Grammatical Structure of Dravidian Languages перевод с франц. , p. 59.

13/ Ср. морф настоящего времени ^{-k-~~ан~~анXX}:ad-k-em в Тода; "я танцую", ad-k-em "мы танцуем", см. A Brief Outline of the Grammar of the Toda Language XXXXX, 252; R. Caldwell, Comparative Grammar of Dravidian Languages, p. 495.

видения"; таким образом, -ku в этой аналитической конструкции восходит к имяобразующему морфу.

В различных текстах фиксируются любопытные конструкции, где на стыке глагольной основы и морфа времени =p= с последующим местоименным окончанием встречается феномен -kir-~~kk~~ir-¹⁴

kaṅa-kkir-p-en	КТ 3.44 "я буду скрывать";
cey-kir-p-aṅ-ku	ТК 515.1 "делающему";
paṭar-kir-p-ir	ТК 3.42 "вы пойдете";
ṁey-kkir-p-at(u)-o?	КТ 72.39 "будет ли /он/ пасти";
kaṅ-kir-p-ar	Шил.16.18 "они увидят"
poṅ-kir-p-avar-kku	ТК 267.2 "исполняющим тапас";
taṅu-kir-k-um	КТ 3.7. "она дает".

Анализ этих конструкций в значительной мере подтверждает мнение М.С.Андропова^{15/}, поддерживаемое ленинградским дравидологом С.Г.Рудиным, о том, что в морфеме -kir- следует выделить -ku, показатель отглагольного имени, и -ir-, формы прошедшего времени от предполагаемого глагола -il того же класса, что cei. Становятся понятными формы:

kaṅa-kk(u)-il-p-en	КТ 3.44
kaṅ-k(u)-il-p-ar	Шил.16.18
taṅu-k(u)-il-(kk) -k-um	КТ.3.7.

Для меня лично непонятен один вопрос: поскольку эти формы сравнительно позднего происхождения, почему нет никаких дан-

^{14/} Ср. L.V.Ramaswami Aiyar, op.cit., p.762, где данные инфиксом (iaticcol) сегментируются как (-k-)-il или (-k-)-ir-

^{15/} M.Andrinov, Hints Regarding the Origin of the Present Tense Suffix kir in Tamil, p.1

ных о существовании такого глагола класса *ce1*. Отождествлять его с глаголом ¹¹ "не быть, отсутствовать" нет оснований, поскольку этот недостаточный глагол лишен способности взаимодействовать с показателями времени.

В этих конструкциях будущего времени наблюдается картина более широкой сочетаемости с прономинальными морфами / -en I л.ед.ч., -an Зл.ед.ч. м.р., -atu Зл.ед.ч. ср.р. в функции м.р., -ir 2 л.мн.ч., -bar Зл.мн.ч. *Цуак.*

Обилие аористных морфов, установленных выше, делает необходимой попытку установления отношений между ними. Решению этой задачи препятствует, во-первых, зыбкость хронологических границ ранней тамильской литературы, и, во-вторых, тенденция в классическом тамильском языке к сохранению архаичных морфологических признаков при слабой абсорбции морфологических элементов разговорного языка.

Наличие перфектного претерита и аориста настоящего-будущего времени в древне-тамильском языке ⁽⁻⁾ установленный факт. С одной стороны, имеется целый ряд форм, где аорист выражен специальным морфом, а значение лица, не выраженное формально, должно отождествляться из контекста:, с другой - в конструкциях прошедшего времени - и время, и лицо выражено с помощью самостоятельных суффиксов; отсюда можно сделать тот вывод, что личные конструкции в плане аориста появились позже тех аористных форм, где выражено только время, и позже лично - временных форм в плане претерита.

На более ранней стадии употреблялись формы с -in его морфологическими вариантами; ^{ноль} выражая время, этот морф

не указывает вначале на конкретное лицо. Поскольку в плане аориста появилась необходимость дифференциации категорий числа, рода и лица, особенно по аналогии с формами прош. времени, начали возникать формы, в которых к $-um$ присоединялись морфы $-kaI, -tu, -on, -onr$, которые однако, имели весьма узкое употребление.

Позже начали входить в употребление конструкции с $-r-$, и форма с $-ra$, для Зл.м.ж. и с.р. была одной из наиболее ранних форм. /Ср. форму $ed-r-a$ "мудрые говорят", которая уже в период ТК воспринимается как архаизм/. Любопытно, что современный малаялам, начало самостоятельного развития которого приурочено к последним 2 векам первого тысячелетия, лишен морфа будущего времени $-r-$ вообще, и для выражения будущего времени ^{в нем} служит $-um$. Сфера лица, выражаемого посредством $-um$ в древнетамильском, все более сужалась, пока глагольные формы с $-um$ не стали выражать лишь Зл.ед.ч. ср.р.

В соврем. там. в среди форм Зл.ед.ч. встречаются:

$sey-v-añ$ М.р.

$sey-v-aI$ Ж.р. но

$sey-y-um$ вместо ожидаемого $sey-v-ati$ более

употребительного как отглагольное имя.

При установлении давности морфов $-k-$ и $-t-$ - следует учитывать, что они встречаются в качестве показателей в языках центрально-дравидийской группы. В тамильском языке настоящего времени в плане дистрибуции эти морфы характеризуются своей ограниченной сочетаемостью с последующими про-

номинальными суффиксами. Это можно видеть из следующей таблицы.

Морфы времени					
Прономинальные морфы			-k-	-t-	-um
Л	Ч	Р			
I	ед.		+	-	-
	мн.		+	+	-
II	ед.		-	+	-
	мн.		-	+	-
III	ед.	М.	-	-	+
		Ж.	-	-	+
		С.	-	-	+
III		М.Ж.	-	-	+
	мн.	ср.	-	-	+

Очевидно, дополнительное распределение личных показателей. Впоследствии, однако, морф $-t-$ как ядерная морфологическая единица перестал существовать; что же касается $-k-$, то не исключено, что именно он стал компонентом морфемы настоящего времени $-kinr-$, начавшей стабилизироваться в тамильском языке с середины первого тысячелетия н.э.

АЛТЕРНАЦИЯ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ МОРФОВ

Тамильский язык с его непрерывной двухтысячелетней письменной традицией для исследователя языковой диахронии представляет первостепенный интерес. Как и во многих суффиксальноагглютинативных языках, глагольный комплекс, находящийся в конечной части предложения и служащий для выражения сказуемого, представляет собой цепочку корневого и словообразовательных морфов, за которыми следуют словоизменительные морфы, где временной морф предшествует прономинальному окончанию, за которым в свою очередь может следовать одна из ограниченного числа усилительных или вопросительных частиц. Сочетание корневого и словообразовательных морфов образует глагольную основу, между которой и временным показателем в древне-тамильских аористных конструкциях мог инкорпорироваться пограничный сегмент, называемый в тамильских грамматиках

sāriyai. Другой пограничный сегмент, принадлежащий к классу *sāriyai*, мог встречаться в претеритальных комплексах на стыке временного морфа и личного окончания. Структура глагольных конструкций может быть представлена графически:

